

«Письмо заверено печатью императорского секретаря»

Здравствуй, Кристина.

У меня не хватает смелости сказать все тебе в лицо, так что придется ограничиться письмом. В каком-то смысле, это даже не письмо, а некое завещание, специально для тебя. Не буду лгать — есть действительно много вещей, о которых мне хотелось бы с тобой поговорить. Или, вернее будет сказать, много вещей, которые стоит прояснить. И все же я постараюсь быть наиболее кратким, чтобы не сыпать соль на наблевшую рану.

Первое и последнее, в чем я должен признаться — я не Эдвард Паркинсон. Я уверен, что ты поняла это еще тогда, когда я не признал Артура как собственного сына. В тот момент мне было очень неловко, и я очень испугался, что ты захочешь скомпрометировать меня власти... но ты не стала. Я не знаю, что тобой двигает, не знаю, в чем твоя мотивация. Но я по-настоящему благодарен тебе за этот жест, от всей души. Как-то так.

Я должен тебе уйти, и по закону императорской столицы, все владения человека в таком высоком социальном статусе могут перейти либо его наследникам, либо самому императору. По-настоящему, у меня нет ни супруги, ни отпрысков, а ты — всего лишь служанка, и такое внезапная, внемная щедрость от барона может навлечь подозрения.

Но. Всегда есть одно «но», не так ли?

В Артуре, твоём сыне, течет кровь барона Паркинсона — настоящего барона. И по законам императорской столицы, он имеет полное право претендовать на собственность. А потому, вместе с письмом, я оставляю завещание, согласно которому вся собственность переходит тебе и твоему сыну. В первую очередь именно сыну, конечно. Теперь это усадьба твоя, и единственное, что я заберу с собой — это мои чертежи и прототипы.

Спасибо и прощай. И обязательно сожги письмо после прочтения.

Кристина стояла рядом с внутренней входной дверью усадьбы, читая письмо и наблюдая за тем, как со стороны подвала, в котором работал Август, тянется легкий дымок на пару с запахом погоревшей бумаги и не только. Дочитав письмо до конца, она просто стала ждать своего «барона», чтобы, очевидно, поболтать с ним по душам перед прощанием.

Как и ожидалось, фигура Августа уже через пару минут появилась в коридоре. Он забрал с собой только лишь свою любимую стальную винтовку и новый прототип револьвера, который, к сожалению, все еще не стрелял, в отличие от прошлого, которого унесло разломом во времени, спровоцированным Винтером в кондитерской.

На улице была глубокая ночь, и во всей усадьбе совсем не было света. Только лишь свет луны снаружи слегка пробирался во внутрь усадьбы через приоткрытую дверь и окна.

— Этого мне хотелось избежать больше всего. — Выйдя в коридор, Август заметил Кристину и остановился. — Мне казалось, ты спишь.

— Ты прогнал всю стражу, барон, и кто как ни я будет сторожить эту халупу ночью. — Повертев письмо в руках, Кристина сделала максимально недовольное лицо. — Если хотел пафосно, но при этом незаметно свалить — стоило оставлять письмо прямо перед уходом, а не перед тем, как ты решил сжечь несчастный подвал.

— Да, я уже понял свою ошибку... — обернувшись через плечо, Август обратил внимание на белый дымок позади себя. — Стены там стальные, ничего страшного не произойдет. Позовешь какого-нибудь мага — он тебе за раз два их очистит, можешь не волноваться.

— Я знала, что ты ненастоящий барон с самого того момента, как твоя нога ступила на этот порог. — Не обращая внимания на слова Августа, начала Кристина. — Ты был похож на него внешне, но в то же самое время ты был другим. Тот случай с Артуром не стал для меня откровением — ты относился к нему намного лучше, чем настоящий барон.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Август, задумываясь о ее словах. — Это как-то лишено смысла, нет?

— Ты тупой? — прямо спросила она, покачав головой. — Впрочем, это как раз то, о чем я тебе никогда не рассказывала... — потопав ножкой, Кристина выдохнула и продолжила говорить: — Я всего лишь служанка, не дворянская особа. Если ты думаешь, что ребенок у нас появился от великой любви — ты ошибаешься. Паркинсон изнасиловал меня.

Кристина хорошо подметила — действительно, она никогда не говорила об этом Августу, либо опуская детали, либо просто стараясь не заводить об этом тему. Да и сам Август старался не быть назойливым, потому что, в конце концов, это было совсем не его дело.

— Я не знал. — Виновато сказал Август, опуская взгляд. — Это, в каком-то смысле, действительно объясняет то, что ты решила не сдавать меня императорскому двору.

Одобрительно покивав головой, Кристина продолжила говорить:

— Когда Паркинсон принял меня на работу в свой прекрасный домишко, я подумала, что вот оно — мое шикарное будущее с кучей денег! Ну, сам понимаешь, платил он много — все же не в гостинице служанкой работаю, а у самой дворянской особы при императоре. Но... как ты верно подметил в письме, всегда есть некое «но», которое все меняет.

Агрессивно распахнув двери усадьбы, Кристина буквально «пролила» свет на проход и уставилась на огромную луну в безоблачном небе, при этом встав прямо в проходе, спиной к Августу. Ей хотелось на что-нибудь отвлечься и вдохнуть чистого воздуха прежде, чем она продолжит свой рассказ для своего ложного барона. Август же, в это время, тоже отошел чуть дальше от нее, но вместе с этим встал прямо напротив выхода.

— Не нужно быть гением, чтобы понять, что я ненавидела Эдварда. Он не был чудовищем, но он был жестоким и ужасным, подобным тому, кто сейчас сидит на троне императора — наверное, именно поэтому он и оказался на своем месте, а не кто-то другой. Он определенно знал свой статус, а потому властвовал так, как ему только заблагорассудится — я прочувствовала все его самомнение на самой себе.

Воспользовавшись своим положением, Эдвард изнасиловал Кристину — и даже если бы она рассказала об этом хоть кому-нибудь, ей бы все равно никто не поверил. Да даже если поверили бы, то никто ничего не смог бы сделать — если у тебя высокий статус в столице, то можно избежать намного более ужасных преступлений. Именно в тот момент Кристина поняла, что ее жизнь буквально окончена — она оказалась в ловушке.

Просто так уволиться не получится, барон бы ей не позволил, а если бы она сбежала, то у нее не было бы ни единого шанса с ребенком — ведь она станет беженкой, изменницей, потеряв возможность работать при дворе. И даже если бы она каким-то чудом попала в другое королевство, или просто в другое место, то там сначала нужно было бы найти работу, а с ребенком на руках это невероятно тяжело.

Совесть не позволяла Кристине просто избавиться от ребенка, и поэтому ей ничего не оставалось, кроме как продолжать служить при бароне — хоть он и был ужасным, но так у нее хотя бы был шанс остаться в терпимом положении, в котором она сможет вырастить дитя. Настоящий Эдвард, естественно, совсем не был заинтересован в этом. Кристина понимала, что не стоит даже умолять барона обратить внимание на то, что он сам же и сотворил — и потому она приняла решение просто жить дальше, как и раньше.

— И как-то раз я заметила, что что-то не так... — развернувшись на месте, Кристина вновь посмотрела на Августа. — Барон вернулся из долгой командировки, но что-то стало в нем иным. Исхудал он как-то, да и характером изменился, хоть и пытался казаться все таким же жестоким и неприступным, не желающим знаться с людьми. Как раз с последним ты и ошибся... — ухмыльнувшись, Кристина продолжила: — Ты как-то мне сказал, что не желаешь общаться из-за того, что тебе некомфортно с другими людьми... но настоящий барон не желал общаться из-за своего отвращения. Ты хорошо сыграл все, кроме его высокомерия — и в этом моменте ты сразу прокололся.

Проматав в голове сказанное ею, Август почесал подбородок и негромко усмехнулся. Такого развития событий он предположить не мог, потому что в императорской документации такие подробности личности барона совсем не уточнялись.

— Теперь ты понимаешь? — в глазах Кристины блеснул огонек, и, подняв руки на уровне головы, она сжала их в кулаки, будучи взбудораженной от собственных слов. — Когда я осознала, что это недоразумение не вернется — я была просто в восторге! Это был лучший момент моей жизни! Момент, когда Кристина Эндшпиль могла злорадоваться!..

Кристина вот-вот хотела захохотать, как истинный злодей, но все же не стала.

— ...И вот ты внезапно уходишь, возжелав оставить меня без работы. — Скрестив руки на груди, она крепко встала посреди прохода, намекая, что не даст ему пройти. — Не пущу.

— Да ладно, — подойдя ближе, Август встал прямо рядом с Кристиной. — Вся эта, как ты сказала, «халупа», станет твоей — продай ее и тебе до конца жизни не придется работать. — Шутливо говорил он, стараясь не накалять обстановку.

— Я не шучу. — Нахмурившись, ответила она. — Я не хочу, что ты уходил.

Разочаровано выдохнув, Август оступился назад и достал хорошо спрятанный пистоль, закрепленный на ремне. Под плащом его было просто невозможно заметить, из-за чего Кристина сильно удивилась. Мгновение спустя, Август взвел курок и направил оружие прямо на служанку, вытянув руку вперед, из-за чего ствол чуть ли не касался ее лба.

По телу Кристины прошла дрожь на пару с холодным потом, а за этим ее тело и вовсе задрожало от страха. Огнестрельное оружие одно из самых грозных, и, если Август действительно найдет в себе подлости выстрелить в нее — у нее не будет никаких шансов. Хоть Артур и был нежелательным ребенком, Кристина всегда старалась растить его с любовью, и, если сейчас ее жизнь оборвется... он останется совсем один.

— Видишь? — спросил Август, после чего прокрутил пистоль так, что его рука удерживала ствол, а рукоятка оказалась со стороны Кристины. — Выстрели в меня — и я совсем не расстроюсь, правда. А вот тебе еще есть что терять.

— Мне... стыдно. — Опустив голову, сказала она. — В какой-то момент я подумала, что ты действительно собираешься в меня выстрелить. Я испугалась.

Август принудительно заставил ее взять пистоль, и вместе с этим он снял с себя свой странный белый плащ, то исчезающий, то вновь приобретающий естественные цвета. Пока она рассматривала пистоль, он аккуратно надел одеяние на Кристину, обращая ее внимание на то, как ее тело на глазах исчезает и сливается с окружением вокруг.

— Это — единственная магическая вещичка, которую я носил с собой. Пожалуй, от нее тоже стоит избавиться перед тем, как я уйду, но просто выбрасывать было бы глупо.

— Мантия... нет, плащ-невидимка?.. — потуже завязав узлы в районе шеи, Кристина легонько закружилась на месте, словно она примеряла платье. — Я не думала, что подобные вещи и вправду могут существовать... такой, наверное, целое состояние стоит...

— Конкретно этот — возможно, но вообще, можно найти и подешевле. — Улыбнувшись, Август стянул маску со своего лица, показав Кристине свои бледные, больные губы. — Я умираю, болезнь наступает мне на пятки. Прошлой ночью я задыхался, а потом закашлял весь подвал кровью. В какой-то момент мне даже показалось, что я вот-вот выплуну собственные легкие, но, к счастью или сожалению, этого не случилось.

— Неужели запас зелий подошел к концу? — обеспокоенно спросила Кристина. — Разве вы не можете попросить ту девушку сделать вам еще?

— Той девушки, к сожалению... больше нет. — Опечалено сказал Август, глядя на луну позади Кристины. — Так что я прошу тебя от всей души, Кристина... дай мне уйти.

— Это так печально... — сжав кулаки, сказала Кристина. — Я хочу тебе помочь, но не могу... не знаю, как помочь, понимаешь? Это заставляет меня чувствовать себя... беспомощной.

Сейчас Август узнал в Кристине себя. Себя, который никак не мог решить, что он хочет от демона-вампира, который так сильно изменил его жизнь как в прошлом, так и в настоящем. Даже в этот момент он жалеет, что все, на что его хватило — это выстрелить в магическую печать, чтобы освободить ее от оков церкви. А ведь он наверняка мог бы помочь ей и вовсе скрыться от стражи, даже не допустив ее поимки. Он мог вмешаться.

Но не стал. Он был и остался беспомощным для самого себя. Но между ними есть большая разница — Кристина по-настоящему беспомощна, потому что очень далека от таких фантастических событий как знакомство с предвестниками «Темного Солнца», Август же напротив, в последнее время был максимально близок к ним, да и не сказать, что у него не было возможностей и ресурсов исполнить свои желания в жизнь.

Теперь, конечно, что-то делать уже поздно.

— Ты не беспомощна. Ты и не обязана была мне вовсе помог...

Кристина обняла Августа, тем самым прерывая его слова, и сразу за этим у нее полились слезы... слезы от обиды на саму себя и на мир, который просто собирался позволить ему умереть. В каком-то смысле Август стал для нее самым настоящим мессией, избавившей ее от барона Паркинсона, в компании которого она была обречена работать. И теперь, все, что она может — это просто пропустить его вперед, исполнив его желание.

— Мне неинтересно, как ты вообще смог подменить барона... — продолжая обнимать Августа, заговорила она. — Утопил ли ты его тело в кислоте, или закопал за столицей... мне без разницы, правда. Но... всегда было интересно, как тебя зовут. По-настоящему.

— Август. Если бы я знал твою настоящую мотивацию, я бы сказал это намного раньше.

— Так тоже сойдет... — оторвавшись от него, Кристина зашла обратно в дом, как бы намекая ему, что он может уйти. — Август.

— Если твоей жизни будет угрожать опасность — используй плащ и пистоль, чтобы уйти от обидчиков, кем бы они ни были. — Развернувшись и ступив несколько шагов за порог, Август добавил: — Хоть сам император.

— Я использую их по назначению, если будет необходимость... — Кристина поклонилась, выражая этим жестом то, что она провожает Августа в дорогу. — Возвращайся, Август.

— Кайзер. — Назвав свою фамилию, он медленно пошел вперед, махая рукой и не оборачиваясь. — Мое полное имя — Август Кайзер.

История Кристины чем-то напоминала Августу историю его матери — та тоже была служанкой при императорском дворе, и ее тоже использовала личность императорской важности, ибо на тот момент Кайзер II, который, собственно, и является этой личностью, еще не был правителем столицы и королевств прилегающей к ней. Только в случае Августа он вместе с матерью оказался на улице, а Артур с Кристиной продолжали жить без лишения всевозможных привилегий. Эта схожесть вызвала сострадание в его сердце.

Вначале, Кристина даже не поняла, что он имел ввиду, потому что фамилия Кайзер сейчас у всех на слуху — ведь она принадлежит самому императорскому роду. В какой-то момент ходили слухи, что другим людям и вовсе запрещено брать фамилию Кайзер при регистрации гражданства в столице. И действительно, это по-настоящему редкая фамилия именно в императорской столице. Впрочем, сам император это некогда отрицал.

Когда Кристина осознала сказанное — было уже поздно, потому что он скрылся за фонтаном на участке, а потом и вовсе за воротами. Впрочем, ей было нечего ему сказать — она не знала никакого Августа, который когда-либо был при дворе, но сама эта фамилия подразумевала, что он, так или иначе, относился к императорскому роду.

Помахав рукой в пустоту, служанка развернулась и закрыла двери усадьбы.

<http://tl.rulate.ru/book/10646/396314>